

ФЕОДАЛЬНАЯ РЕНТА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

(КОНЕЦ XVI — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVII В.)

Ю. А. Тихонов

Дореволюционная русская историография не смогла прийти к удовлетворительным научным результатам в изучении данной темы, хотя ее представители отдавали себе отчет в актуальности проблем феодальной эксплуатации крестьян в период складывания крепостного права. Методологическая слабость их воззрений нередко дополнялась и некритическим восприятием сохранившихся источников. Так, Н. А. Рожков, основываясь на делении пашенных угодий на «боярские» и крестьянские по писцовым книгам и грамотам Коллегии экономии, формулировал тезис о барщине как обычном явлении в имениях служилых людей в XVI в. и о распространении барской запашки к концу столетия на все виды землевладения. Размеры натурального и денежного оброка в течение XVI в., по его мнению, не изменялись. Исходя из этих положений, Н. А. Рожков пришел к заключению, что главную причину упадка крестьянского хозяйства надо усматривать не в государственном обложении или владельческих повинностях, а в сокращении запашки на крестьянский двор. Последнее якобы вызывалось общим регрессом сельского хозяйства, сменой систем земледелия и миграцией сельского населения¹.

Недостатки монографии Н. А. Рожкова были отмечены вскоре после ее опубликования. В. О. Ключевский считал, что писцовые книги (основной источник работы Н. А. Рожкова) в силу своей специфики не дают истинного представления о земельных угодьях и о населенности крестьянского двора². Замечания В. О. Ключевского были поддержаны наиболее крупным исследователем писцовых описаний С. Б. Веселовским, который показал, что сохранившиеся в фонде Поместного приказа писцовые и дозорные книги не могут быть привлечены для изучения данной темы. Они не дают действительного представления ни о тяжести владельческих повинностей, ни о тяжести государственных налогов. Принципы составления писцовых книг (счет в одном поле, отсутствие нормы наделения усадебными и сенокосными угодьями, оценивание земли по качеству и угодьям) обусловили крайне условный характер земельных описаний. Обложению налогами подлежала только пашня паханая («живущее»), составлявшая ничтожную часть всей земли, а все остальное значилось как «пустое». К тому же писцы не имели физической возможности измерять земли и полагались на представляемые им земель-

¹ Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М. 1899, стр. 129—131, 258, 265

² В. О. Ключевский. Сочинения. Т. VIII. М. 1959, стр. 369—374, 386.

ные акты и сказки. На этой удручающей пустоте (замечает С. Б. Веселовский) и основывается мнение об упадке земледелия в отдельные периоды, проистекающее от некритического использования материалов поземельных описаний³. Выход из этого положения применительно к XVII в. С. Б. Веселовский видел в обращении к огромному комплексу отдельных и отказных книг Поместного приказа.

В советской историографии общее направление в эволюции и смене форм феодальной ренты в связи с историей крестьянства в странах Центральной и Восточной Европы было намечено в трудах Б. Д. Грекова. Согласно его концепции, в XIV—XV вв. в Северо-Восточной Руси преобладала продуктовая рента, а с конца XV — начала XVI в. под влиянием растущих рыночных отношений начинается процесс становления барщинного хозяйства. В России тенденция к смене продуктовой ренты отработочной определялась ростом внутреннего спроса на зерно и другие продукты. Распространение барщинной формы эксплуатации вело к оформлению крепостнических отношений⁴.

Последующие работы советских ученых продвинули вперед изучение аграрной истории России. Так, было показано применение барщины и в XIV—XV вв., ее сосуществование с оброком и тем самым поставлен под сомнение тезис о преобладании продуктовой ренты. Развернулась полемика о природе и размерах отработочной ренты в XVI в., о ее месте среди других факторов закрепощения русского крестьянства, о времени оформления крепостничества и барщины как системы⁵.

Заметим, что для решения спорных вопросов в распоряжении историков еще недостаточно фактов и предстоит большая работа по их выявлению. Очевидно все же, что периоду преобладания барщины как системы естественно предшествовал период складывания этой барщинной системы. Поэтому в трудах по истории России XVI в. нет прямого вывода о том, что развитие барщины само по себе привело к победе крепостничества. Напротив, для них характерен комплексный подход к решению проблемы. Установление крепостного права в общегосударственном масштабе было обусловлено оформлением поместной системы землевладения и сокращением массива черносошных земель; усилением феодальной эксплуатации крестьян как в форме денежной ренты, так и в виде увеличения собственной запашки у феодалов и связанного с этим роста барщины; расширением владельческих прав феодалов над зависимым населением, которое вело к несправедливости в повседневной жизни; упрочением хозяйственных и сословных позиций дворянства в годы опричнины; резким возрастанием государственных налогов и повинностей во время Ливонской войны и хозяйственным упадком страны, особенно в области земледелия⁶.

Естественно, что среди указанных факторов сдвига в системе эксплуатации крестьян отводится важное место. Обобщая исследования историков социалистических стран, С. Д. Сказкин указывает, что «с точки зрения экономической крепостное право было связано в Средней и Восточной Европе с возникновением и развитием в позднее средневековье крупного барского хозяйства, основанного на барщинном труде крестьян,

³ С. Б. Веселовский. Сошное письмо. Т. 1. М. 1915, стр. 22—23, 153; т. 2. М. 1916, стр. 26, 135, 364, 368, 375, 403, 432.

⁴ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. Кн. 1. М. 1952, стр. 515, 530, 532; кн. 2. М. 1954, стр. 43, 53, 231—232.

⁵ А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М. 1972, стр. 192—193, 238; Л. В. Данилова. К вопросу о причинах утверждения крепостничества в России. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». 1965 г.». М. 1970, стр. 130—140.

⁶ См. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в.». М. 1955, стр. 459—472; А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М. 1960, стр. 63—116; В. И. Корецкий. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М. 1970, стр. 11—88.

прикрепленных к земле поместья и к личности помещика»⁷. Отсюда ясно, насколько важно в научном отношении иметь конкретное представление о формах и размерах феодальной ренты в России XVI—XVII веков.

В литературе нет также ясного представления о природе и эволюции отработочной ренты. Сравнение данных XVI в. с предшествующими источниками XIV—XV вв. почти невозможно, ибо в документах отсутствуют количественные показатели. Поэтому, на наш взгляд, вопрос о генетической связи отработочной ренты XV и XVI столетий остается открытым. Относительно связи барщины с рынком наиболее убедительным представляется мнение С. Д. Сказкина о том, что хотя спрос на сельскохозяйственные продукты был еще ограниченным и барщинное имение продавало лишь излишки продуктов собственного потребления, все же отработочная рента в XVI в. по своему целевому назначению не идентична барщине раннего и развитого средневековья⁸. Заслуживает внимания высказанная А. И. Малышевым еще в 1930 г. точка зрения об эволюции начиная с XVI в. барщины от потребительской к товарнопроизводящей в условиях постепенного «увязания» помещика в рыночных отношениях⁹.

Вопрос о феодальных повинностях в XVI в. получил освещение в монографии В. И. Корецкого, посвященной оформлению крепостного права в России. Распространение барщины автор считает характерной особенностью России XVI века. Если в первой половине века барская запашка была обычным явлением в центральных уездах и распространилась на все виды земельных владений, то во второй половине и особенно к концу века барская запашка и барщина «начинает занимать преобладающее место в системе крестьянских повинностей»¹⁰. Автор опирается в основном на такие виды источников, как писцовые книги, а также отдельные частные акты и копиянные книги.

И в писцовых книгах и в актах земля разделена на владельческую и крестьянскую. Из этого условного деления В. И. Корецкий делает вывод о наличии у феодалов собственной запашки, хотя господское поле могло находиться под пашней, а могло и пустовать. После этого ясно, что вычисление доли барской запашки в процентах по отношению к крестьянским полям основывается на показателях, которые не всегда отражали действительное соотношение пахотных угодий. Итак, владельческая земля под пером исследователя превращается в барскую запашку. Так же чисто логически последняя трансформируется в крестьянскую барщину.

Рост крестьянской барщины доказывается на основании изменения норм вытного ягла. В первой половине XVI в. в центре страны на выть приходилось по 1 дес.; во второй половине века норма увеличилась до 1,5—3 дес. и даже до 4—5 десятин¹¹. Если при этом количество крестьянских дворов оставалось прежним, то такие изменения действительно могут оцениваться как возрастание полевой барщины. К сожалению, данные о крестьянском населении не приводятся.

Положения, высказанные В. И. Корецким в монографии, вызвали живой отклик в печати. А. М. Сахаров считает мнение В. И. Корецкого о широком распространении барщины на землях не только служилых людей, но и в дворцовых и монастырских имениях «важной исходной посылкой» для объяснения «перемен в положении русского крестьянст-

⁷ С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. «Вопросы истории», 1958, № 2, стр. 96.

⁸ Там же, стр. 102, 112—113.

⁹ «Спорные вопросы методологии истории». Харьков. 1930, стр. 225—226.

¹⁰ В. И. Корецкий. Указ. соч., стр. 18, 25.

¹¹ Там же, стр. 29—30; автор, однако, приводит данные о запашке на выть 1 дес. в поле и на 1560—1570 годы.

ва в XVI в.»¹². С иных позиций оценивает эти положения книги В. И. Корецкого В. М. Панеях¹³. Он пишет, что тезисы о распространенности, о росте и удельном весе барской запашки неубедительны, ибо основываются на отрывочных и случайных данных актовых источников. Метод же вычисления доли барской запашки в последнее время подвергается сомнению в работах Г. В. Абрамовича. Еще менее доказателен (по мнению В. М. Панеяха) тезис об увеличении господской пашни за счет крестьянских пашенных угодий, а также вывод о росте крестьянской барщины, так как В. И. Корецкий игнорирует наблюдения Г. Е. Кочина о специфике «десятинной пашни» (когда не было разделения на господские и крестьянские поля) и не учитывает значительную роль холопов на барщине.

По-разному высказались А. М. Сахаров и В. М. Панеях относительно сущности отработочной ренты в XVI в. и ее отличия от барщины предшествующего периода. В монографии В. И. Корецкого феодальное хозяйство характеризуется как потребительское и говорится о «значительном росте» потребностей господствующего класса. А. М. Сахаров солидарен с В. И. Корецким в понимании сущности барщины не как примитивной отработочной ренты далекого прошлого, а как ренты, закономерно распространяющейся в условиях развития товарно-денежных отношений, но развития еще относительно слабого. В. М. Панеях, сомневаясь в значительном росте потребностей феодалов, отстаивает положение о традиционном объеме барщинных повинностей.

Исследовательских работ по данной теме применительно к XVII в. также очень мало, и посвящены они главным образом рентным отношениям второй половины столетия. Первая попытка научного обобщения проблемы принадлежит А. А. Новосельскому. Установив существование, как и в предшествующий период, всех форм феодальной ренты, он отметил важную особенность феодальной эксплуатации. Она заключалась в новом сочетании трех форм ренты, обусловленном общим экономическим развитием страны. Признавая недостаток имеющихся в руках историков хозяйственных описаний, А. А. Новосельский все же попытался на основании материалов 1650—1680-х годов по дворцовому ведомству царя Алексея Михайловича, по владениям бояр Б. И. Морозова, Н. И. Одовского и Я. К. Черкасского, стольника А. И. Безобразова и Солотчинского монастыря выяснить основные тенденции в эволюции форм ренты и в их сочетании. В Московском и ближайших к нему уездах, а также в южных окраинных уездах росли барщинные повинности. В центральных уездах страны, особенно к северу, северо-востоку и востоку от Москвы, проступала тенденция к замене полевой барщины оброком при увеличении удельного веса денежных платежей. Взимание ренты в виде одного натурального или одного денежного оброка отмечалось крайне редко. Размеры денежного оброка сильно колебались, так что установить его долю в повинностях трудно¹⁴.

В литературе высказан также общий взгляд на слабую распространенность барщинной системы в XVII в. вообще по причине натурального облика поместья и незначительного размаха помещичьего предпринимательства, хотя и допускается возможность существования барщинных хозяйств товарного типа¹⁵.

Монография А. Н. Сахарова о патриарших крестьянах подтвердила положение о барщинном облике столичного уезда. В патриарших владе-

¹² См. рец. А. М. Сахарова: «Вопросы истории», 1971, № 10, стр. 170—173.

¹³ «История СССР», 1972, № 1, стр. 159—160.

¹⁴ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.». М. 1955, стр. 165, 168—169.

¹⁵ З. К. Янель. О некоторых вопросах «второго издания» крепостного права и социально-экономического развития барщинного поместья в России. «Исторические записки», № 78. М. 1965, стр. 170.

ниях, расположенных в других районах, бытовали повинности смешанного типа с тенденцией к росту денежного оброка. Последний особенно заметен в местностях с высоким уровнем рыночных отношений. Если в начале XVII в. нет упоминаний о денежных платежах, то к концу столетия почти не было вотчины, где наряду с натуральным оброком и барщиной (издельем) не отмечался бы и денежный оброк. Исходя из постоянных норм барщины (1,5—2 дес. на выть) с конца XVI в. до 1640-х годов, автор считает, что усиление эксплуатации со стороны патриаршего двора прослеживается с 70-х годов XVII в., когда на выть стали пахать уже до 4 дес. и повысилась ставка денежного оброка¹⁶. О численности крестьянских дворов данные отсутствуют.

А. Х. Горфункель, изучая хозяйство Кирилло-Белозерского монастыря (владения которого находились и в центральных уездах), выяснил, что барщина до Уложения 1649 г. оставалась в размерах конца XVI в. (1 дес. на выть), оклад хлебного оброка не изменялся до 1662 года. Большой интерес представляют наблюдения автора о том, что, сохраняя постоянные вытные нормы повинностей, монастырь увеличивал число вытей соответственно росту крестьянского населения и крестьянской пашни¹⁷.

Мы располагаем новейшими исследованиями и о помещичьем хозяйстве. Система феодальных повинностей во владениях Б. И. Морозова, наиболее яркой фигуры помещичьего предпринимательства в XVII в., изучена Д. И. Петрикеевым. Опираясь на источники 1650—1660-х годов, автор установил, что если в целом трудно судить о динамике барской запашки, то в подмосковных владениях стремление боярина расширить барщину устанавливается с полной определенностью. По его мнению, рост господской пашни можно рассматривать как результат влияния на крепостное хозяйство товарно-денежных отношений. Основной формой эксплуатации Д. И. Петрикеев считает барщину и прежде всего полевою. Денежный же оброк платили все крестьяне без исключения¹⁸.

Вопросу об эксплуатации крестьян на землях бояр Романовых в пределах первой половины XVII в. посвящена статья Е. И. Заозерской. Автор высказал целый ряд важных наблюдений о формах ренты (сравнительно небольшой денежный оброк соединялся с отработочной и продуктовой рентой), о размерах повинностей с выти, о прочных традициях ведения господского хозяйства и эксплуатации крестьян и отсутствии заметных нововведений (в сравнении с крупными владениями второй половины XVII в.)¹⁹.

Как видно из приведенного историографического обзора, в научной литературе до сих пор отсутствуют конкретные данные о владельческих повинностях, которые позволили бы реально представить феодальные поборы с крестьянского двора (историки, как правило, оперируют вытными нормами тягла). А без этого невозможно установить и истинное соотношение между видами феодальной ренты и наметить ее эволюцию.

Из всех источников о крестьянских повинностях в центре страны в XVI в. надежными представляются только писцовые книги 1590-х годов по владениям Троице-Сергиева монастыря. В отличие от фрагментарных сведений актов и копийных книг более раннего времени в них зафиксировано крестьянское тягло в монастырских имениях Московского, Дмитровского, Ростовского, Коломенского, Костромского, Ярославского, Со-

¹⁶ А. Н. Сахаров. Русская деревня XVII в. По материалам патриаршего хозяйства. М. 1966, стр. 49—50, 51—52, 60, 66—67, 70.

¹⁷ А. Х. Горфункель. К вопросу об историческом значении крестьянской войны начала XVII в. «История СССР», 1962, № 4, стр. 112—118.

¹⁸ Д. И. Петрикеев. Крупное крепостное хозяйство XVII в. Л. 1967, стр. 88, 135—136, 145.

¹⁹ Е. И. Заозерская. Из истории феодальной вотчины и положения крестьян в первой половине XVII в. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР». Сборник IV. М. 1960, стр. 52, 56—58.

лигаличского уездов. Таким образом, исследователь располагает материалом, позволяющим определить порайонную амплитуду колебаний размеров ренты, выяснить крайние и обычные показатели. Писцовые книги 70—90-х годов XVI в. по землям служилых людей включают в себя лишь названия селений, пустошей и размеры земельных угодий. Даже сведения о количестве крестьянских дворов, как правило, отсутствуют.

В подмосковных владениях отмечена пашня, обрабатываемая крестьянами «на монастырь», без указания ее площади. Судя по тому, что денежный и продуктовый оброк был сравнительно невелик, можно судить, что среди повинностей барщина занимала основное место²⁰. Отработочная рента была распространена и в дмитровских владениях монастыря. Встречаются чисто оброчные или чисто барщинные селения, но в основном с двумя видами ренты. Сельцо Серино (28 крестьянских дворов — «в живущем» 10 1/2 вытей) знало только денежный оброк. За пашню и другие доходы с выти отдавали 1 рубль²¹. В среднем в выти состояло 2,5 двора. Значит, на двор приходилось 80 денег (две пятых рубля), а по курсу первой половины XVII в. — около 112 д. (более полтины)²². Крестьяне села Старобислово (34 двора — 8 1/6 выти), напротив, денег не платили, а пахали «за денежные доходы» 1,5 дес. с выти²³. На двор падает 0,3 дес. в поле. Примечательно, что во многих селах часть крестьян отбывала барщину, а другая часть выплачивала оброк. В селе Синково (249 крестьянских дворов — почти 92 выти) с 77 1/4 вытей пахали на монастырь по 2 дес. с выти, а с 15 1/2 вытей вносили по 20 алт. с выти. Кроме того, все выти платили «за мелкие доходы» по 5 алт. и отдавали по чети ржи, по овце, по десятку льна²⁴. На выть в среднем приходилось по 2,5 двора, значит, на двор — 0,8 дес. монастырской пашни или 48 денег оброка. В селе Рожественное (111 крестьянских дворов) большая часть вытей, наоборот, была оброчной. С 30 вытей уплачивали по полтине с выти; с 20 вытей «за оброк» пахали 60 четей в поле, «а в дву по тому ж» (то есть 4,5 дес. в трех полях на выть). Все выти вносили также по 4 алт. 4 д., по чети хлеба, по овчине, по десятку льна²⁵. Считаем в выти по 2 двора. Двор в среднем обложен оброком в 64 деньги (88 денег в пересчете по курсу позднего времени). Барщинный двор обрабатывал 2,25 дес. в трех полях и вносил 14 денег.

Примерно то же самое наблюдается в Ростовском уезде. В оброчном селе Поникарово (34 крестьянских двора — 11 вытей) вносили с выти по полтине; за сыр, масло и дрова еще 4 алт. 2 д.; четверть ржи, овчину; с каждых 4 вытей — 24 аршина холста²⁶. В среднем на выть приходится по 3 двора, на двор — 42 деньги. С учетом изменения курса серебряного рубля для первой половины XVII в. этот показатель возрастает до 58 денег.

В других селах бытовала барщина в размере от 0,5 до 3 дес. на выть, а на выть в среднем падало по 3 двора. В селах Берлюково и Ивашково 232 крестьянских двора в «торханские годы» пахали с выти по полудесятине и вносили по 5 алт., по четверти ржи, по овчине, по десятку льна, а с трех вытей по 12 арш. холста²⁷. По-видимому, это льготные нормы отработочной ренты. Наибольшая норма барщины отмечена

²⁰ См., например, «Писцовые книги Московского государства XVI в.» (далее — ПКМГ). Отд. I. СПб. 1872, стр. 63.

²¹ Там же, стр. 750.

²² Мы исходим из падения содержания серебра в рубле 1620—1630 гг. по сравнению со второй половиной XVI в. на 40—42%. В 20-х годах XVII в. на смену трехрублевой стопе XVI в. пришла стопа в 4 руб. 25 коп. (Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская метрология. М. 1965, стр. 146—148). В изучаемое время в рубле было 200 денег.

²³ ПКМГ. Отд. I, стр. 767.

²⁴ Там же, стр. 749.

²⁵ Там же, стр. 756.

²⁶ Там же. Отд. II. СПб. 1877, стр. 22.

²⁷ Там же, стр. 21.

в селе Дебола (74 крестьянских двора — 21 выть). Здесь на выть пахали по 3 дес. и «взгоном» 35 дес., всего 98 десятин. В среднем на двор падало 1,3 дес. в поле. Деньгами с выти шло 10 алт. 2 д. за сыр, масло и дрова и около 10 денег «за столовый корм», то есть в среднем около 20 денег с двора. Кроме того, с выти вносили четверть ржи, овчину, десяток льна, 12 арш. холста²⁸.

Наиболее отчетливо деление владений на оброчные и барщинные прослеживается в Костромском уезде. Село Медведково (85 крестьянских дворов — 35 вытей) состояло на одном денежном оброке. «За всякие доходы» в монастырь шло с выти 2 руб.²⁹; в среднем с двора 166 д. (более трех четвертей рубля), а по курсу 1620-х годов — более рубля. В других селениях, где бытовал и натуральный оброк, с выти уплачивали меньше — 80, 100, 120 денег³⁰. На выть приходилось по 2—2,5 двора. В среднем с учетом курса рубля от 56 до 84 денег с двора.

В двух селах с выти пахали на монастырь по 2 дес. в поле. В селе Марьинское (120 дворов крестьянских — 40 вытей) с 8 оброчных вытей платили по рублю, с 28 вытей обрабатывали пашни по 2 дес. и вносили 5 алт., четь ржи, четь овса, овчину, десяток льна, 24 арш. холста. Нелегкой была подводная повинность — 5 повозов с выти в год³¹. В среднем оброчный двор платил треть рубля. Барщинный двор обрабатывал по 0,6 дес. в поле и вносил 10 денег, не считая продуктов. В селе Федоровское (271 крестьянский двор — 58 1/2 вытей) с 45 1/2 вытей запахивали 91 дес., да «взгоном» 54 дес., всего 145 десятин. В среднем (полагая на выть 4,5 двора, на 45 1/2 вытей — 207 дворов) падало на двор 1,4 дес. в поле. Это очень высокая норма барщины. Кроме того, с 35 вытей платили по 4 алт. за сыр, масло и дрова, с 10 1/2 вытей — по 15 алт., а с каждого дыма по деньге. С выти полагалось также по 2 чети ржи, по овчине, по десятку льна; с двух вытей — по 12 арш. холста. С 10 оброчных вытей платили по 2 руб., а с 3 — по рублю, ибо на монастырь пашня не обрабатывалась³². Можно предположить, что показатели владельческого тягла по селу Федоровское (исключая оброчные выти) являлись пределом размеров феодальной эксплуатации в конце XVI века.

Незначительная доля полевой барщины в общем объеме повинностей прослеживается на монастырских землях Ярославского и Солигаличского уездов. Так, в солигаличском сельце Гнездиново (85 крестьянских дворов — 29 вытей) с 17 вытей шел оброк по 20 алт., а с 12 пашенных вытей обрабатывали всего 5 десятин. Все выти уплачивали за сыр, масло, дрова по 4 алт. 1 деньге³³. Оброчный двор вносил в среднем примерно по четверти рубля. Небольшая полевая барщина объяснялась тем, что крестьяне на монастырском соляном промысле «поделявают варницы и онбары и колоды варничные».

Как видно из рассмотренных писцовых описаний, нельзя оперировать данными о нормах повинностей на выть без установления средних показателей, приходящихся на крестьянский двор. Писцовые книги зафиксировали нормы барщины на выть в 0,5 дес., в 1,5 дес., в 2 дес. и в 3 десятины. Пашня в полдесятины отмечена лишь однажды для «торханых» годов. Только дважды упоминается норма в 3 десятины. Наиболее часто на выть приходилось 1,5 или 2 десятины. В выти же состояло от 2 до 4 дворов. Таким образом, колебания средних показателей барщины на двор весьма различны. Самая низкая норма составляет 0,3 дес. в одном поле, самая высокая — 1,3 дес. или 1,4 десятины. В основном же

²⁸ Там же, стр. 15—16.

²⁹ Там же. Отд. I, стр. 906.

³⁰ Там же, стр. 908, 910, 912.

³¹ Там же, стр. 903.

³² Там же, стр. 896.

³³ Там же, стр. 922; В. И. Корецкий (Указ. соч., стр. 30) ошибочно посчитал площадь в 5 дес. как норму барщины на выть. Площадь в целом пашни паханой монастырской определена в 10 четей (5 дес.).

на двор падало 0,5 дес., 0,6 дес., 0,75 дес., 0,8 дес. в поле при сравнительно небольшом денежном и продуктивном оброке. Основная часть дворов, составлявших оброчные выты с нормой в 1—2 руб., уплачивала монастырю в среднем от 42 до 80 денег (58—112 денег по курсу 20—30-х годов XVII в.). Самая высокая норма платежа — 166 денег (230 денег по курсу последующего столетия).

До последнего времени историки не располагали источниками о повинностях в Центральной России в первой половине XVII века. Писцовые и дозорные книги не касались крестьянского тягла, а остатки монастырских и помещичьих архивов содержали в основном документы о землевладении. Пришлось обратиться к громадному комплексу книг поместно-вотчинных дел Поместного приказа (к чему призывал С. Б. Веселовский). В этих отказных, отдельных, отписных и иных книгах фиксировались акты получения, передачи по наследству или конфискации в казну вотчин и поместий служилых людей. Обычно их составители ограничивались перечнем населенных пунктов и пустошей, жилых и пустых крестьянских и бобыльских дворов. Однако в некоторых книгах удалось обнаружить сведения о помещице и крестьянском хозяйстве и о феодальных повинностях. Особенности составления книг поместно-вотчинных дел потребовали выработки ряда методических приемов для их изучения.

Записи о владельческих повинностях обнаружены в книгах по 53 имениям 16 уездов Замосковского края. Сама запись является надежным критерием для выделения помещичьего имения как территориально-хозяйственной единицы. Если у одного владельца в каком-либо уезде отмечено несколько сел и деревень, малоудаленных друг от друга, но по каждому селению даны особые нормы тягла, то имеются все основания для разделения его владений по отдельным комплексам. И, наоборот, ряд селений, объединенных одной записью о тягле, следует рассматривать как единое хозяйственное целое.

Сведения по 19 имениям приходится исключить из сферы анализа, хотя текст книг, несомненно, свидетельствует о наличии отработочной ренты. В первой группе таких книг отсутствуют необходимые показатели о количестве крестьянских дворов (поиски этих владений в писцовых и переписных книгах оказались безрезультатными), либо нет площади господской запашки, либо дана общая площадь и помещичьего и крестьянского полей. В трех отказных и одной раздельной книгах Ростовского уезда 1614, 1634—1635 гг. указана «боярская» пашня «в живущем» («сеяно крестьянским оброшным хлебом» 6 четей) и «наездом»³⁴. Подозрение в том, что ее размеры взяты из писцовых книг, подтвердилось при сверке с данными описаниями конца 1620 — начала 1630-х годов³⁵.

Исключение второй группы книг обусловлено тем, что феодальные повинности даны в общих размерах и для крестьян, и для бобылей, и для холопов (людей). Между тем в силу особого положения этих слоев их повинности были дифференцированы (бобыльские дворы часто не включались в крестьянское вытное тягло, а деловые люди могли получать месячину вместо надела). Особенно трудно производить расчеты по тем имениям, где на барщине трудились одни холопы, так как обычно численность людей не указывалась.

В одной книге имеется прямое указание на использование наемного труда. Отписная книга от 16 января 1646 г., по имению дьяка Гаврилы Леонтьева, селу Мещерское, Горетова стана, Московского уезда (21 крестьянский двор — 65 чел. м. п.), сообщает, что на владельца было посеяно ржи «крестьянские и наемных людей пахоты» 116 четвертей с ось-

³⁴ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 209, д. 10755, лл. 57, 952, 1141 об., 1203 об., 1206.

³⁵ Там же, писцовые и переписные книги, д. 10751, лл. 273—277, 377—381, 430 об., 436 об., 1014—1016.

миной³⁶. Без привлечения «наемных людей» на двор пришлось бы немногим менее 3 дес. в поле, на душу м. п. менее 1 десятины. Видимо, такая норма считалась непосильной.

Следующая трудность заключается в том, что по многим имениям не указан полный объем крестьянских повинностей. В описаниях 23 владений имеются отметки об отработочной ренте и ее размерах, однако составители книг не оговорились, выполняли ли крестьяне оброчные повинности. Полный объем тягла известен по 16 имениям (в пяти из них крестьяне уплачивали только денежный оброк, в двух бытовали и денежный оброк и барщина, в одном — барщина и продуктовый оброк, в двух — только барщина; крестьяне шести имений знали все три вида ренты).

И еще две особенности составления книг, отмечающих обработку господского поля. Размеры пашни показывались то в десятинах, то в четьях. Осторожности ради мы приняли чети за меры высева зерновых культур (на десятину обычно высевалось по 2 чети ржи, ячменя, пшеницы, гречи, по 4 чети овса). В книгах, составленных осенью, зимой и ранней весной, отмечалось только озимое поле. В летних книгах приводились сведения и об озимом клине и о яровом, однако крайне редко упоминалось паровое поле. Если бы можно было исходить из того, что на господских полях строго соблюдалась паровая система земледелия с трехпольным севооборотом, то из этого затруднения выйти было бы довольно просто. Однако на практике агрономические нормы часто не соблюдались³⁷. Размеры помещичьих сенокосных угодий также указывались далеко не всегда.

Обратимся к рассмотрению отработочной ренты, наиболее распространенной (судя по нашим материалам). Первое чисто барщинное имение — это небольшое подмосковное поместье известного приказного деятеля дьяка Марка Поздеева. В деревне Шатурово к 27 июля 1626 г. 5 деловых людей и крестьянин обработали в трех полях 47 десятин. Однако на долю крестьянского двора приходилось мало. При отписке имения крестьянин Степан Евдокимов сказал, что «к Москве... не ежывал, жил на льготе, а деньгами никаких доходов не давал». Евдокимов пахал на помещика полдесятины³⁸. В дмитровском имении князя Василия Урусланова сына Урмаметева (4 крестьянских двора и 1 бобыльский — 6 чел. м. п.) к 22 августа 1628 г. сжали на помещика ячменя 5 сотниц 40 снопов, а несжатого хлеба («жать нельзя, что зелена») было пшеницы 1 дес. и 0,75 дес. ярицы. По крестьянской сказке, оброка они «не плачивали никакого, только пахали на него пашню десятины по 2 да важивали к Москве сена и дрова»³⁹.

Перейдем к рассмотрению отработочной ренты в барщинно-оброчных владениях. Крестьяне села Андреевское, Плесского стана, Костромского уезда, дьяка М. Поздеева (41 крестьянский двор и 1 бобыльский) отбывали барщину и вносили натуральный оброк («доходы»). К 3 августа 1626 г. крестьяне высеяли на Поздеева ржи 52 чети, а холопы — 43 чети «людской» ржи. Яровое поле обработано холопами и крестьянами (овса 120 четей, ячменя 30 четей с осьминой, ржи «ярой» 2 чети без полуосьмины, пшеницы 14 четей, гречи 1 четь, гороха 2 чети, льна 3 чети с осьминой, конопли 1 четверть). Люди и крестьяне поставили 660 копен сена⁴⁰. Озимое барщинное поле у крестьян 26 дес., у холопов — 21,5 дес., всего 47,5 десятины. Яровой клин равен примерно 57 десятинам. Если исходить из соотношения сева озимых, то на долю крестьян в яровом поле придется около 32 десятин. Таким образом, на

³⁶ Там же, оп. 190, д. 9833, л. 1093 об.

³⁷ Д. И. Петрикеев. Указ. соч., стр. 89.

³⁸ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 190, д. 9830, лл. 52—54 об.

³⁹ Там же, лл. 283—284 об.

⁴⁰ Там же, оп. 183, д. 11885, лл. 462, 462 об., 465—466.

41 крестьянский двор (бобыльский двор в вытном тягле не состоял) приходилось 58 дес. в двух полях, то есть 1,3 дес. в среднем на двор.

Село Агапитово, Жарского стана, Ярославского уезда, того же владельца находилось на барщине и денежном оброке. В описании от 24 июля 1626 г. барщинные повинности холопов (2 «служивых» человека и 8 деловых людей) и крестьян (25 крестьянских дворов, бобыльский двор не в окладе) дифференцированы. «Людской пахоты высеено осенней ржи» 25 четей, яровых — 31 четь с осьминой. Высев у крестьян: ржи 30 четей, овса 60 четей, пшеницы осьмина, конопля пол-осьмины. Люди поставили сена 193 копны, крестьяне — 300⁴¹. Общее озимое поле 27,5 дес., яровое — около 26 дес. (у крестьян 15 дес. и 15,3 дес.). В среднем на делового человека приходится около 3 дес., а на крестьянский двор — 1,2 дес. в двух полях.

Такие же виды ренты (барщина и денежный оброк) отмечены в селе Слободское, Закудемского стана, Нижегородского уезда, окольного А. В. Измайлова. Здесь к 6 июня 1634 г. 112 крестьянских дворов (в том числе 10 пустых дворов, покинутых крестьянами совсем недавно) вспахали на вотчинника в трех полях 108 десятин. Сенокоса приходилось на крестьян около 1500 копен. 64 бобыльских двора в пахоте и косьбе не принимали участия. В озимом поле было посеяно ржи 35 дес., в яровом — овса 17 дес., ячменя 6 дес., пшеницы 13 дес., гречихи и гороха по 1 десятине. Под пар обработали 35 десятин. Как видно, озимое поле и паровое одинаковы, яровое («то поле большее») превышает их на 3 десятины. Если денежный оброк крестьянские дворы платили вместе «с пустыми жеребьями» с 20 вытей, то, значит, и пашня раскладывалась на все 112 дворов. В среднем на двор приходилось по 1 дес. в трех полях, на душу м. п. 0,3 десятины. Помимо полевой барщины, положенные в вытное тягло крестьянские дворы из вотчинникова зерна изготовляли «запас» (на выть — осьмина овсяной крупы и осьмина толокна, а в иной год делали «с прибавкою в полтора и вдвое») и вино («варили» с выти по 5 ведер и более)⁴².

Переходим к имениям со всеми видами ренты. В сельце Решице, Курганова стана, Костромского уезда, М. Поздеева (32 крестьянских двора — 63 чел. м. п.; 2 бобыльских не в окладе) к 6 августа 1626 г. на помещика было высеяно 30 четей ржи, 40 четей овса, 5 четей ячменя, 7 четей пшеницы, 2 чети гороха, 2 чети гречи, осьмина льна, пол-осьмины конопля и поставлено 200 копен сена⁴³. Под озимыми — 15 дес., под яровыми — около 18 десятин. В среднем на двор падает по 1 дес. с небольшим в двух полях, на душу м. п. 0,5 десятины.

По описаниям двух костромских имений князя Ю. Д. Хворостинина, конфискованных в октябре 1630 г., из-за времени отписки мы узнаем про барщину лишь в озимом поле. В селе Рожественное 102 крестьянских двора (9 бобыльских дворов в тягло не вошли) посеяли ржи 74 четверти на 37 дес., сена косили 20 копен (видимо, с выти, так что на 10 вытей приходилось 200 копен)⁴⁴. В среднем на двор пришлось менее 0,3 дес. в одном поле. В половине села Деево Городище 115 крестьянских дворов (49 бобыльских и здесь не в окладе) на 25 дес. высели 51 четверть с осьминой ржи и накосили сена свыше 280 копен⁴⁵. На каждый двор приходится примерно 0,2 дес. в поле.

В книгах 1662 г. по бывшим владениям бояр Романовых в Коломенском уезде имеются показания крестьян о повинностях, которые они от-

⁴¹ Там же, лл. 494—496.

⁴² Там же, оп. 197, д. 7591, лл. 342—345 об. В этом и в ряде других имений средние нормы тягла в действительности могли быть выше, так как помещики заставляли население выполнять повинности и за «пустые» выти, в которых прежде состояли беглые крестьяне.

⁴³ Там же, оп. 183, д. 11085, лл. 505—506.

⁴⁴ Там же, оп. 184, д. 11107, лл. 37, 44.

⁴⁵ Там же, лл. 49, 52, 65.

бывали на Ивана Никитича (умер в 1640 г.) и его сына и наследника Никиту (умер в 1654 г.). В показаниях отмечено, что при обоих владельцах повинности не изменялись. В селе Ильинское и деревне Петрово, Большого Микулина стана, 62 крестьянских двора (257 чел. м. п.) «пахивали боярской пахоты» 22 дес. в поле, деловые люди — 6,5 десятины. В среднем на крестьянский двор падало 0,3 дес. в поле, на душу м. п. — 0,08 десятины. На бояр сена «кашивали» 1 тыс. копен⁴⁶. В селе Карпово и деревне Даниловское, Похрянского стана, отмечено 76 крестьянских дворов (275 чел. м. п.). Они «пахивали» на бояр 20,75 дес. в поле (на двор — 0,2 дес., на душу м. п. — 0,07 дес.)⁴⁷. Помимо денежного и натурального оброка, крестьяне выполняли на Романовых подводную повинность — 8 подвод с выти (выть — 10 дворов). В третьем коломенском владении Романовых, селе Никитское, 83 крестьянских двора (336 чел. м. п.) обрабатывали 21,75 дес. в поле. В среднем на двор падало 0,2 дес. в поле, на душу м. п. — 0,06 десятины. Сена заготавливали на бояр 740 копен⁴⁸.

Подведем итоги по размерам оработочной ренты, имевшей место в тех 11 имениях, где известен полный объем повинностей. Книги по 6 уездам охватывают период 1620—1640 годов. Изменений по территории или по хронологическому разрезу не наблюдается. К примеру, и в Коломенском и в Костромском уездах на двор падало 0,2—0,3 дес. в поле, и в Дмитровском и в Нижегородском уездах — 1 дес. в трех полях. Итак, в среднем на крестьянский двор приходилось 0,2—0,5 дес. в поле (0,06—0,08 дес. на душу м. п.), или 1—1,3 дес. в двух полях (0,5 дес. на душу м. п.), или 1 дес. в трех полях (0,3 дес. на душу м. п.).

По 18 имениям 9 уездов, описание которых ничего не сообщают об оброке, показатели таковы же, хотя они охватывают период с 1612 по 1648 год. Правда, имеются и отдельные отступления. В 10 владениях на двор пришлось 0,2—0,6 дес. в поле, на душу м. п. — 0,1—0,3 дес.; лишь в двух владениях норма оказалась выше (1 и 2 дес.). В 3 имениях отмечено на двор по 1 дес. в двух полях (на душу м. п. 0,4—0,5 дес.); в одном имении норма выглядит небольшой — 0,1 дес. в двух полях на двор (0,07 дес. на душу м. п.). По трем имениям выведены нормы в трех полях: 1,8 дес. в Арзамасском уезде, 0,7 дес. в Коломенском уезде, 0,5 дес. в Костромском уезде.

Любопытно отметить, что имеющиеся в книгах прямые указания на нормы барщины на выть очень различны: в Костромском уезде — 2,5 дес. в поле и 10 дес. в двух полях, в Нижегородском уезде — 5,4 дес. в трех полях. Перерасчет же в средних показателях на двор нивелирует барщинные повинности, ибо число дворов, приходящихся на выть, неодинаково.

Отписные книги 1620—1630 гг. по 8 имениям дьяка М. Поздеева, окольничего А. В. Измайлова и его сына В. А. Измайлова, князя Ю. Д. Хворостина в Арзамасском, Костромском, Нижегородском, Рузском и Ярославском уездах, а также показания крестьян трех коломенских имений бояр Романовых позволяют нам пойти еще дальше. Отмеченная в них подворная раскладка вытного тягла помогает представить относительно точные (а не средние) нормы барщины. В этих имениях в среднем на выть приходилось от 3 до 15 дворов (в основном 8—11 дворов). Средние нормы барщины на выть составляли: от 2,1 до 3,7 дес. в поле; от 5 до 10 дес. в двух полях; 5,4 и 21,2 дес. в трех полях.

Доли выти, на которых «сидели» крестьянские дворы, колебались от полувыти до $\frac{1}{32}$ выти. В 5 имениях с барщиной в одном поле (437 дворов) получилась такая картина: 2 дес. обрабатывал 1 двор, 1 дес. — 1 двор, 0,9 дес. — 7 дворов, полдесятины — 31 двор, 0,4 дес. — 44 двора, 0,3 дес. — 22 двора, четверть десятины — 148 дворов, 0,2 дес. — 110 дво-

⁴⁶ Там же, оп. 191, д. 9842, лл. 56, 59, 67, 69.

⁴⁷ Там же, лл. 87 об.—90 об.

⁴⁸ Там же, оп. 180, д. 9284, л. 145.

ров, 0,1 дес.— 65 дворов, 0,06 дес.— 8 дворов. Как видно, из 10 вытных участков барщины первенство за дворами, пахавшими на помещиков 0,2—0,25 дес. (58%). Далее идут дворы с барщиной 0,1 дес. (14%), 0,4 дес. (10%) и 0,5 дес. (7%). Заметим, что в этих имениях крестьяне вносили также денежный и натуральный оброк.

В 4 имениях (116 дворов) расчет шел о пашне в двух полях. Здесь уже 14 барщинных участков (от 0,4 до 3,3 дес. на двор). На участках до 1 дес. включительно находилось 38 дворов (33%), от 1,1 до 2 дес.— 62 двора (53%), от 2,2 до 3,3 дес.— 16 дворов (14%). На первом месте стояли дворы, обрабатывавшие по 1,25 дес. (20%), 14 дворов пахали по 0,8 дес., 13 дворов запахивали участки в 0,6 дес., 1,1 дес., у 11 дворов были участки в 1,6 десятины.

В нижегородском и арзамасском имениях А. В. Измайлова и его сына барщина определена в трех полях. Раскладка на 150 дворов следующая: 2,6 дес. обрабатывали 9 дворов (6%), 1,7 дес.— 21 двор (14%), 1,3 дес.— 23 двора (15%), 0,9 дес.— 35 дворов (24%), 0,6 дес.— 53 двора (35%), от 0,1 до 0,4 дес.— 9 дворов (6%).

Итак, в вотчинах с барщиной в одном поле со средним размером на двор 0,2—0,3 дес. подворная раскладка дает колебания от 0,06 до 2 дес., а в большинстве имений — 0,1—0,5 дес. В имениях с барщиной в двух полях со средней запашкой 1—1,3 дес. на двор раскладка колеблется шире (0,4—3,3 дес.). Здесь преобладают участки от 0,6 до 2,5 дес., а в основной части имений — от 1 до 2 десятин. Во владениях с барщиной в трех полях средняя норма на двор 1 и 1,8 дес., а при раскладке основная часть дворов запахивала по 0,6 и 0,9 дес., по 1,3 и 1,7 десятины. Во всяком случае, средние показатели на двор и показатели индивидуальные основной части дворов при дворовой вытной раскладке находятся недалеко друг от друга.

Рассмотрим продуктовую ренту. Она отмечена в 2 имениях дьяка М. Поздеева (1626 г.), в 2 имениях князя Ю. Д. Хворостинина (1630 г.) и в 3 имениях бояр Романовых. По всем этим костромским и коломенским имениям размер натурального оброка определен в книгах на одну выть. В костромском селе Андреевское М. Поздеева крестьяне наряду с полевой барщиной (1,3 дес. на двор в двух полях) давали «доходов» с выти ржи 4 чети, ячменя 4 чети, 1 четь хмеля, барана, 30 гривенок (фунтов) мяса свиного, 2 гривенки масла коровьего, курицу, 30 яиц⁴⁹. В среднем на выть приходилось по 3,4 двора.

Сельцо Ренище Поздеев обложил всеми видами поборов. Двор пахал на него 1 дес. в двух полях. Денежный и натуральный оброк вносили с выти: 1 рубль денег, четь хмеля, барана, 40 гривенок мяса свиного, 4 гривенки масла коровьего, овчину, 4 гривенки шерсти, 2 курицы, 40 яиц⁵⁰. Зерно в «доходы» не входило, зато появляются овчины, шерсть. В выть в среднем входило около 5 дворов. На двор приходилось поборов столько же, сколько в селе Андреевское.

В имениях Хворостинина (на выть 10 дворов) отмечены все виды ренты. В селе Рождественное на двор приходилось 0,3 дес. в поле. С выти вносили князю полтину денег, барана, полть мяса свиного, зайца, тетерева, ведро вина⁵¹. В половине села Деево Городище (тоже по 10 дворов на выть) с выти «доходов давали» 1 рубль денег, полть мяса, зайца, тетерева, ведро вина⁵². В оброке сравнительно с первым имением не было барана, да и барщины на двор приходилось меньше (0,2 дес. в поле), зато денежный оброк был вдвое больше.

Как видно, натуральный оброк в вотчинах Поздеева включал в себя больше наименований продуктов, чем в имениях Хворостинина. Дьяк

⁴⁹ Там же, оп. 183, д. 11085, лл. 465—466.

⁵⁰ Там же, л. 506.

⁵¹ Там же, оп. 184, д. 11107, л. 44.

⁵² Там же, л. 65.

был более «прижимистым», чем князь. Отметим, что зерно входило в состав оброка только в одном имении Поздеева. У Хворостинина требовали с крестьян вино — продукт переработки зерна. В его же имениях с крестьян брали продукты охоты.

В двух имениях Романовых на выть также приходилось по 10 дворов и барщина в среднем была такой же. В селе Ильинское крестьяне давали боярам с выти «столовых доходов» тушу свиную в 2 пуда (8 гривенок с двора), 3 барана, поросенка, гуся, утку, 4 курицы, по гривенке масла коровьего и сыра; а приказчику — четверик ржи и четверик овса. В селе Карпово приказчику шло столько же зерна, а бояре доходов брали меньше — барана, 15 кур, 80 яиц. Дело в том, что крестьяне с первого села деньгами платили с выти по рублю, а крестьяне второго — по 3 рубля «за столовые запасы и за всякие оброки»⁵³. В третьем владении (село Никитское — 7 вытей, 83 двора) на выть приходилось от 9 до 15 дворов, однако вытная норма «столового запаса» была одинаковой: баран, 15 кур живых, 80 яиц⁵⁴. Количество продуктов такое же, как и в селе Карпово, хотя здешние крестьяне платили с выти по одному рублю.

Судя по подворной раскладке, в селе Андреевское, где натуральный оброк был наиболее высоким, основная часть крестьянских дворов вносила по 2 чети ржи и ячменя и 7,5 гривенки свинины, а вообще нормы колебались от 1 до 4 четей зерна, от 3,7 до 15 гривенок свинины. В других имениях поборы свинины примерно такие же.

Переходим к денежной ренте. Ее уплачивали крестьяне 7 имений, которые были обязаны также вносить продукты и отбывать барщину. Население 5 имений уплачивало только денежный оброк. В ярославском селе Агапитово крестьяне (25 дворов — 3 выти) уплачивали М. Поздееву с выти по 1 рублю. В среднем с двора — 24 деньги, по вытной раскладке с двора шло от 10 до 40 денег (в основном от 13 до 22 денег). В нижегородском селе Слободское (112 дворов — 20 вытей) с выти вотчинник брал 5 руб. На двор в среднем полагалось 178 денег, с души м. п. — 56 денег; подворная раскладка дает колебания от 31 до 250 денег (в основном 125 или 166 денег с двора). В первом имении на барина пахали от 0,75 до 3 дес. в двух полях, во втором меньше — от 0,1 до 1,3 дес. в трех полях.

В имениях с тремя видами ренты платежи таковы. Крестьяне костромского селца Решце (32 двора — 6 1/2 вытей) платили по рублю с выти. В среднем с двора 40 денег, по раскладке от 16 до 75 денег с двора (в основном 25—75 денег). В костромском селе Деево Городище (115 дворов — 11 1/2 вытей) Ю. Д. Хворостинин взимал по рублю с выти, в селе Рожеественное (102 двора — 10 вытей) — полтину. В первом селе средняя ставка с двора 20 денег, во втором — 10. По раскладке соответственно колебания от 6 до 50 денег (в основном 12 и 25 денег); от 3 до 25 денег (в основном 6 и 12 денег). В коломенском селе Ильинское (62 двора — 6 1/5 вытей) Романовым шло с выти рубль, со двора — 20 денег, с души м. п. — чуть меньше 5 денег. Крестьяне села Карпово (76 дворов — 7 3/5 вытей) платили с выти 3 руб., 60 денег с двора, около 15 денег с души м. п. В селе Никитское с выти платили по рублю; в среднем с двора шло 16 денег, с души м. п. — 4 деньги⁵⁵.

Четыре имения Владимирского и Галицкого уездов знали только денежный оброк (согласно прямым указаниям источников). Имение дьяка В. Яковлева в Польской волости, Владимирского уезда, состояло в 1626 г. из деревень Селище, Борисово, Кучино, Панютино и Павлово в волости Остров Вышелесский. «Помещику давали те крестьяне за

⁵³ Там же, оп. 191, д. 9842, лл. 58 об., 95.

⁵⁴ Там же, оп. 180, д. 9284, лл. 145—146.

⁵⁵ Там же, оп. 191, д. 9842, лл. 58 об., 95; оп. 180, д. 9284, л. 146.

всякие доходы и за бараны, и за сыры, и за масло, и за вино, и за пашню, и за сенные покосы, и за мед, и за всякой за мелкой обиход, и за помещиково изделие по рублю с четверика»⁵⁶. Все 10 крестьянских и 1 бобыльский дворы несли тягла по четверику каждый. В деревнях Ягодино, Юркино, Яковлево, Заяцкое, Лелихино, Окологородной, Усольской волости, Галицкого уезда, того же владельца 22 крестьянских двора в пяти вытах (2 бобыльских двора были не в окладе, так как «земли под ними нет») платили оброку «по 6 рублей с выти деньгами за всякие доходы»⁵⁷. Всего 30 рублей; на двор падает примерно по 1,3 рубля. По подворной раскладке колебания от 75 денег до 7,5 руб. (в основном 75—400 денег).

В том же 1626 г. с деревень Мякишевка, Кстовица, Васильево, Круглое, Понизовской волости, Чухломской осады, Галицкого уезда, дьяку М. Поздееву (17 крестьянских дворов — 3 $\frac{1}{4}$ выти в живущем) «оброку давали... на год с выти по 5 рублей с четвертью за всякие доходы»⁵⁸. С имения шло около 17 руб., по рублю в среднем с двора. По подворной раскладке колебания от 65 до 393 денег (в основном 131 и 262 деньги).

А. В. Измайлов владел в Каликинской волости, Парфеньевской осады, Галицкого уезда, 14 деревнями и 2 починками (по подсчетам отписчиков, 98 крестьянских дворов — 158 чел. м. п., 31 бобыльский двор — 39 чел. м. п.). По показаниям старосты, целовальника и крестьян, «пашни они на вотчинника нигде не пахивали и инова никаково доходу не плачивали, а платили... со всей своей Каликинской волости оброк на год за всякие вотчинниковы доходы по 200 рублей»⁵⁹. Если предположить, что бобыли в вытном тягле не состояли, то в среднем с крестьянского двора вносили по 2 рубля, с души м. п. — по 1,2 рубля.

Крестьяне деревень Хорошево, Романово, Корцево, Коломенского уезда (18 дворов — 50 чел. м. п.), на бояр Романовых «пашни не пахивали», а вносили с выти (14 дворов) 10 руб., с двора — 180 денег, с души м. п. — около 50 денег. Они же поставляли с выти 10 подвод. Приказчику все деревни давали 2 руб., 2 чети ржи, 2 чети овса московской меры⁶⁰.

Таким образом, в рассмотренных 13 имениях на выть приходилось от 5 до 15 дворов во владениях оброчно-барщинных, от 4 до 14 дворов во владениях чисто оброчных. Норма платежей на выть в первой группе колебалась от половины до 5 руб., во второй — от 4 до 10 руб. Средние показатели на двор в имениях с повинностями смешанного типа — от 10 до 178 денег, а в основном — от 20 до 60 денег. Вытная раскладка дает колебания (без села Слободское) от 3 до 75 денег с двора (наиболее часто встречаются показатели от 6 до 75 денег). В чисто оброчных имениях нормы, естественно, выше: в среднем с двора 1—2 руб. (чаще около рубля). По вытной раскладке ставки колеблются от 65 денег до 7,5 руб. (в основном от 1 до 2 руб.).

Можно сравнить размер денежного оброка с ценами, извлеченными из книги по продаже «животов» князя Ю. Д. Хворостинина из его усадьбы в селе Заозерье, Переславль-Залесского уезда, в 1630—1631 годах⁶¹. Зерновые продукты продавались в торговую таможенную меру: четь ржи и пшеницы за 50 денег каждая, четь овса и ячменя за 24 деньги каждая, четь льняного семени за 40 денег, четь конопляного семени за 32 деньги⁶². Цены на продуктивный скот и птицу: корова стоила почти

⁵⁶ Там же, оп. 183, д. 11085, л. 501 об.

⁵⁷ Там же, л. 474.

⁵⁸ Там же, л. 422.

⁵⁹ Там же, оп. 166, д. 7335, л. 375, 375 об.

⁶⁰ Там же, оп. 191, д. 9842, лл. 100—101. В оброчном подмосковном селе Хорошево также платили с выти 10 руб. (Е. И. Заозерская. Указ. соч., стр. 54—55).

⁶¹ Там же, оп. 201, д. 7706, лл. 806—832.

⁶² Во второй четверти XVII в. объем чети увеличился с 4 до 6 пудов (Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Указ. соч., стр. 90, 113).

рубль, овца и свинья — по 30 денег каждая, поросенок — 12 денег, гусь — 6 денег, курица индейская — 6 денег, курица русская — 2 деньги, утенок — 3 деньги. Улей пчел продали за 60 денег. Цены на рабочий скот были следующие. Мерины продавались за 110 денег, 130 денег, 1 рубль 20 алт., хотя оценены были от полтины до рубля. Кони ногайские были оценены в 2 рубля, конь калмыцкий — в 3,5 рубля. По другой продажной книге 1631 г., составленной в костромском имении князя, кобылы продавались по таким ценам: полтина, 1 рубль, 1,5 рубля, 2 рубля, 3 рубля⁶³. Значит, средний оброк с двора в 1—2 руб. равнялся стоимости 2—4 четей ржи, 5—10 четей конопля, 1—2 коров, 1—2 лошадей.

Итак, источники, позволяющие судить о формах и размерах ренты в центре России, появляются с 90-х годов XVI века. Прежде чем перейти к общим выводам, сравним показатели монастырских повинностей конца XVI в. и помещичьего тягла 20—30-х годов XVII в., учитывая, конечно, специфику хозяйств Троице-Сергиева монастыря и служивых людей. Как было показано, вытные нормы барщины и оброка сами по себе не могут дать представление об эволюции феодальной эксплуатации. Заметно увеличение числа крестьянских дворов, входящих в выть (с 2—4 дворов до 3—11 дворов, причем в XVII в. выть с 3—4 дворами встречается редко). Средние вытные нормы довольно близки друг к другу: барщины 1,5—3 дес. в поле в конце XVI в., 2—4 дес. в 1620—1630 годах. Относительно денежного оброка для чисто оброчных имений изменения явные: 1,4—2,4 руб. и 4—10 рублей. Средние нормы барщины на двор не очень различаются. В конце XVI в. в основном на двор приходилось 0,5—0,8 дес. в поле, иногда 1,3—1,4 дес., в 1620—1630 годах — 0,2—0,6 дес. в поле. Денежный же оброк существенно повысился. В конце XVI в. двory оброчных вытей, как правило, платили по курсу следующего столетия — 58—112 денег, то есть от четверти до половины с небольшим рубля. Во второй четверти XVII в. средние ставки с двора в чисто оброчных имениях составляют 1—2 руб., в имениях смешанного типа — от 10 до 177 денег.

Сама система феодальных повинностей ко второй четверти XVII в. становится как бы более определенной. В конце XVI в. мы наблюдаем в пределах одного имения довольно четкое деление вытей и дворов на барщинные и оброчные. Обычно барщина как основной вид ренты дополнялась продуктовым оброком (иногда частично переведенным на денежный платеж). Аналогично этому и денежный оброк для оброчных вытей и дворов сочетался с взносом продуктов. В XVII столетии мы уже не находим таких владений. Все двory в пределах одного имения несут одинаковые повинности. В то же время появляется группа имений, в которых крестьянские двory были обложены всеми тремя видами феодальной ренты.

Наблюдаемая нами общая близость размеров феодального тягла на протяжении нескольких десятилетий корректируется при рассмотрении отдельных видов ренты. Не заметно особых изменений в полевой барщине. Натуральный оброк в XVI в. был разнообразнее, а главное, часто включал в себя зерновые продукты. В первой половине XVII в. продуктовый оброк невелик и занимает очень небольшое место в общей системе повинностей. Денежный оброк обнаруживает явную тенденцию к росту. Все эти явления могли быть обусловлены процессом становления регулярных связей и феодального и крестьянского хозяйств с рынком.

Таким образом, общее представление о феодальной системе эксплуатации в период оформления крепостного права в центре страны сводится к следующему. Источники свидетельствуют о распространенности и сосуществовании двух видов ренты — отработочной и денежной. Очевидно, ни одна из них еще не получила преобладания в качестве

⁶³ ЦГАДА, ф. 1209, оп. 184, д. 11107, лл. 68—72.

ведущей, определяющей в изучаемое время внутренний строй феодального имения. Сочетание барщины и денежного оброка накладывало отпечаток на взаимоотношения между феодалами и крепостными крестьянами. Шла упорная борьба между этими классами за ожесточение или смягчение системы феодальной эксплуатации в условиях становления рыночных связей. Мы имеем в виду прежде всего не размеры эксплуатации, а ее форму. Землевладельцы старались придать предпринимательское направление своему хозяйству и превратить барщину в основу крестьянского тягла. Этому противостояло стремление крестьян (становившихся товаропроизводителями) задержать рост барщины, стабилизировать ее в небольших традиционных размерах⁶⁴. Крестьяне не могли не осознавать на практике, что за ростом барщины неизбежно следует усиление надзора со стороны феодальной администрации над их хозяйственной деятельностью, ограничение их прав и возможностей. Напротив, оброчные порядки фактически ослабляли крепостные узы.

Столкновение классовых интересов проявилось в крестьянской войне начала XVII века. Ряд советских историков придерживается мнения о том, что, несмотря на поражение, первая крестьянская война оказала воздействие и на ход дальнейшего закрепощения и на систему феодальной эксплуатации⁶⁵. Приведенные материалы свидетельствуют о стабильности владельческого тягла с конца XVI в. до 1640-х годов. Очевидно, классу феодалов надо было думать в первую очередь о восстановлении пошатнувшихся во время бурных событий начала XVII в. рентных отношений. На прямое увеличение барщины или оброка землевладельцам трудно было решиться, не дожидаясь отмены «урочных лет».

Надо также учитывать рост государственных налогов с воцарением Михаила Романова. Значительную часть прибавочного крестьянского продукта изымало феодальное государство, и помещики не могли не принимать это во внимание.

Как показано Л. В. Миловым, развитая барщинная система в России стала важнейшей составной частью аграрного строя во второй половине XVIII века. Помещичье хозяйство этого времени носило ярко выраженный товарный характер. Расширение барщинных полей производилось за счет существенного сокращения крестьянской надельной земли⁶⁶. В изучаемый нами период осуществлялись первые шаги на пути становления такой системы.

⁶⁴ У нас нет сведений, свидетельствующих о стремлении помещичьих крестьян заменить барщину денежной рентой. Они выявлены А. Н. Сахаровым в указанной монографии по материалам патриаршей вотчины. Учитывая сходное положение крестьян патриаршей кафедры и крупных имений верхушки служилых людей, можно (хотя и предположительно) говорить об общности их интересов в вопросах отбывания владельческих повинностей.

⁶⁵ А. А. Новосельский. К вопросу о значении «урочных лет» в первой половине XVII в. «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия». Сборник статей. М. 1952, стр. 178—183; И. И. Смирнов. Краткий очерк истории восстания Болотникова. М. 1953, стр. 136; А. А. Зимин. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в. «Вопросы истории», 1958, № 3, стр. 106—107; А. Х. Горфункель. Указ. соч., стр. 112, 118; Ф. А. Фигаровский. Крестьянское восстание 1614—1615 гг. «Исторические записки», № 73, стр. 215—218; А. Л. Шапиро. Об исторической роли крестьянских войн XVII—XVIII вв. в России. «История СССР», 1965, № 5, стр. 65—67, 80; В. И. Корецкий. Последствия восстания Болотникова на юге России. «Тезисы докладов и сообщений XI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Одесса, ноябрь 1969 г.)». М. 1969, стр. 37—38.

⁶⁶ Л. В. Милов. Исследование об «экономических примечаниях» к генеральному межеванию. М. 1965, стр. 183, 187, 222, 226, 231 и др. Для сравнения укажем, что во второй половине XVIII в., в период расцвета барщинной системы, в центральных уездах на душу м. п. приходилось барщины до 3,4 дес. в трех полях. По изучаемому нами времени пределом душевой нормы барщины можно считать 3 дес. в трех полях (1 дес. в поле, 2 дес. в двух полях). Если считать в среднем на крестьянский двор по 2 чел. м. п., то высшей границей барщины на двор будет 6 дес. в трех полях (2 дес. в поле, 4 дес. в двух полях).

Новые материалы о формах и размерах ренты позволяют определить отношение к ведущейся в литературе полемике о проблемах барщины и крепостничества в России. По нашему мнению, положение К. Маркса о том, что «обыкновенно крепостное состояние возникало из барщины»⁶⁷, вполне применимо к русской истории. Это положение следует рассматривать как генеральное направление эволюции аграрного строя на протяжении длительного периода XVI—XVIII веков. Нельзя представлять себе дело таким образом, будто бы барщина, ставшая где-то в середине XVI в. основным видом феодальной ренты, в скором времени привела к оформлению крепостного права в общегосударственном масштабе. Оформлению барщинной системы примерно в середине XVIII в. предшествовал длительный период ее вызревания в обстановке острых социальных противоречий. Территориальная распространенность отработочной ренты в конце XVI — первой половине XVII в. таила в себе возможность установления и упрочения крепостного права в общегосударственном масштабе, что и было достигнуто классом феодалов при поддержке феодального государства. В свою очередь, установившийся режим крепостного права (на охрану которого был поставлен государственный аппарат) явился предпосылкой для укрепления барщинных порядков и становления барщинной системы, ибо этот режим прикреплял крестьян к земле (гарантируя помещику рабочие руки) и резко усиливал личную зависимость, прямую власть землевладельца над личностью крестьянина. Барщинная хозяйственная система могла господствовать именно в эпоху крепостного права⁶⁸.

⁶⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 248.

⁶⁸ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 183—185.